

УДК 94(574).01
МРНТИ 03.91.91.
DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2025.99(3).121

Купенова Г.Ы.

**Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Актюбе,
Казахстан**

E-mail: Gulia_79_79@inbox.ru

**КОНОКРАДСТВО КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XIX в. В
КОНТЕКСТЕ НОВОГО ПРАВОВОГО ПОЛЯ ЦАРСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА**

Аннотация. Во второй половине XIX в. когда границы Российской империи охватили почти всю казахскую Степь, к барымте, как традиционного способа удовлетворения справедливости поменялся не только взгляд, но и отношение царской власти. В связи с этим, в данной статье исследуется проблема конокрадства казахов Западной Сибири середины XIX в. в контексте нового правового поля царского правительства. Особое внимание уделено определению понятию «конокрадство» и «барымта» в современной исторической науке для выявления отношения царской власти к краже лошадей казахами и применения мер к их пресечению. На основе письменных источников и исторических исследований определение, анализ причинно-следственных связей усиления конокрадства со стороны казахов, прикочевавших во внутреннюю часть Иртыша. Исследование основано на анализе архивных документов, включая фонды Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), источников Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ РФ, г. Москва) и фундаментальных исторических исследований XX-XXI вв.

Ключевые слова: Российская империя; конокрадство; барымта; Западная Сибирь; Средний жуз; выселение казахов; переселение крестьян.

Введение

В настоящее время изучению истории казахов правобережья Иртыша XVIII-XIX вв. уделяется большое внимание, что подтверждается наличием историографической базы данной проблемы. Правобережный регион Иртыша стал показателем социально-экономических мероприятий царского правительства в степной крае. Формирование этнической группы казахов в регионе, началось с 1788 г. с официального перехода их на «вечную кочевку». На правобережье Иртыша расположилось значительное число казахов, руководимые султанами: Урусовыми, Татеновыми и Чанчаровыми. Что стало следствием запуска с 1726 г. здесь проекта И.И. Веймарна для решения вопроса колонизации региона и возникших вместе с ним геополитических вопросов. В отношении сформированного казахского «верноподданного» населения была принята правительством позиция административно-законодательного ступора. Усиление традиционного конокрадства, имевшего место и во время перехода казахов на территорию правобережья Иртыша вызвало изменение тактики царской политики

середины XIX в. и утверждения в 1854 г. «О мерах по прекращению конокрадства в Западной Сибири».

Целью данной статьи является исследование на основе архивных материалов, новых письменных источников и концептуальных исследований причинно-следственных связей конокрадства казахов правобережья Иртыша и его последствия. Особый интерес представляет обобщение современной историографической базы по проблеме конокрадства позиции исследователей на данную проблему, актуальной на сегодняшний момент. Важно не только определение причинно-следственного комплекса усиления конокрадства казахов Западной Сибири, но и последствия изменения политики царского правительства в отношении к ним и его реализации властями.

Материалы и методы исследования

Для объективного исследования и определения выводов были привлечены и проанализированы различные документальные материалы касающиеся положения казахского населения Западной Сибири середины XIX века. В данном исследовании были использованы документы фондов 338 и 478 Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), материалы журналов Западно-Сибирского отделения Русского географического общества (ЗСО РГО), записок С.Б.Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды, части 41-43 «О пришествии китайцев в Баян-аул». Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ РФ, г. Москва), а также материалы сборника архивных документов «Казахско-русских отношений в XVIII-XIX вв.». (1771-1867 гг.).

Был проведен анализ работ отечественных и зарубежных исследователей по исследованию причин усиления конокрадства казахов правобережья Иртыша и его последствия. Исследование опирается на методы и методологические принципы. Основным методом является сравнительно-исторический метод, позволяющий изучить проблемы процесса расселения, затем выселения казахов с территории правобережья Иртыша в их хронологической, логической, количественной и качественной взаимосвязи.

Согласно принципу историзма, изложение материала приводится в хронологической последовательности, исторические факты и события рассматриваются в их взаимосвязи и последовательности в соответствии с конкретно-исторической обстановкой. Объективность исследования достигается путем привлечения архивных и других источников, стремлением к всестороннему анализу документов, относящихся к объекту исследования. В работе также применялись конкретно-исторический, описательный методы исследования.

Обсуждение

Известно, что конокрадство казахов развито было в связи с обычаем барымты. В связи с чем, ценным является исследование Вирджинии Мартин, по определению понятии «барымта» и «конокрадство», где барымта представлена как один из способов разрешения споров, как акт самосуда, заключающаяся в угоне скота обидчика, до момента достижения согласия [1]. По ее мнению, барымта не являлась формой сопротивления, рост которой был замечен в конце XIX в.,

принимая характер открытых и вооруженных нападений. Российское правительство рассматривало барымту, как дестабилизирующий, затрудняющий контроль над степью акт, не имевший правового значения. Определяя ее как преступление, царская администрация добивалась ее окончательного исчезновения, то есть криминализировало ее. Казахские султаны защищали барымту, не считая ее воровством [1, с 361,375.]. А для казахов барымта не воспринималось как преступление, это был правовой обычай, понимания несправедливости и возмездия.

В течение XIX в. определение барымты по В.Мартин подверглось пересмотру, ставшей на практике, не более чем кражей скота не имевшего правового сопровождения с обеих сторон [1, с.361].

Царские администрация в лице чиновника по особым поручениям Трофимова командированного в конце 30-х гг. генералом-губернатором Западной Сибири для проведения расследования в связи с частыми жалобами крестьян Горного ведомства на конокрадство казахов, отмечал в своем секретном донесении, о частых кражах лошадей крестьян не только с поля, но и с пригонов, в основном казаками внешних округов, перешедших за линию по уплате ремонтной пошлыны казакам. То есть, это не было барымтой, в классическом его понимании. Лошадей крестьян крали не только казахи, как было выяснено Трофимовым, но часто и сами русское население горного ведомства [2, с.93-94].

И по мнению З.Е.Кабульдинова, барымта имевшее место в 50 – гг. XVIII в., впоследствии видоизменяется, обретает другую форму и содержание, став простым грабежом лошадей [2, с.108].

В целом, исследуемая проблема имеет историографическую базу, первыми которой стали работы И.Г. Андреева «Описание Средней орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилегающих к Российской границе по части Колыванской и Тобольской губернии крепостей дополнениями» [3]. М. Красовского [4] и С.Б. Броневского [5]. В 1829-1830 гг. генерал-майор С.Б. Броневский опубликовал свой труд «Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды» в которой описал хозяйство казахов, их образ жизни, обычаи, нравы, законы, социальную структуру и свою оценку внутривосточной ситуации Степи. В работе использована Записка «Пришествие китайцев в Баян-аул», где исследователь при анализе причин перехода казахов во внутреннюю часть Иртыша, основное внимание уделил барымте. Дал описание взаимоотношений станичных и степных казахов и характера казахского народа.

С 1877 г. в Омске начал работу Западно-Сибирское отделение Русского географического общества (ЗСО РГО), материалы которого использованы в статье. В связи, с возникшим, в конце 90-х гг. XIX в. «вопроса о переселении все более и более становится животрепещущим вопросом, вопросом злобы дня, то Географический отдел ни в коем случае не может и не должен игнорировать его» [6, с.20]. Так, перед ЗСО РГО были поставлены задачи глубокого изучения края для выяснения «вопроса о количестве удобных для колонизации земель в Курганском, Ишимском, Тюкалинском, Ялуторовском, Туринском и Тобольском округах Тобольской губернии». В 1892 г., 23 декабря В.А. Остафьев в своем

докладе на заседании Западно-Сибирского отдела императорского РГО под председательством Г.Е. Катанаева отметил о противоречивости собранных сведений о Западной Сибири и киргизской степи «даже для общих соображений о колонизации этих стран», о несоответствии планов и карт прежних съемок с новыми, о полной несовпадений межевых съемок удобных для колонизации земель [6, с.19-20].

Исследованиями связанными в дальнейшем с проблемой выселения казахов с правобережья Иртыша стали работы О.Б. Наумовой [7, с.39-50]. В целом, картина создания этнической истории казахов Западной Сибири указанного периода разработана Н.А. Томиловым [8]. Особенности проблема расселения казахского населения [9]. Исследователем сформирована концепции выделения особой западносибирской группы казахского населения [10].

Проблема конокрадства казахов во внутренней стороне Иртыша второй половины XVIII – начала XX вв. исследована З.Е. Кабульдиновым [2]. Где усиление конокрадство получает именно в процессе активного переселения на территорию Тобольской и Томской губернии крестьянского населения. Многочисленные жалобы со стороны крестьян, по его мнению, привлекли внимание царской администрации к усилению конокрадства со стороны внутренних казахов в 30-х гг. XIX в. и впервые подняла вопрос о причислении их к внешним казахским волостям, то есть к выселению. Можно сказать, что данная работа является единственным исследованием, где проблема конокрадства казахов Тобольской и Томской губернии рассматривается в контексте с демографической ситуацией в регионе.

В исследованиях И.В. Октябрьской [11] и И.В. Анисимовой [12] данная проблема рассматривается в контексте проблемы казахских миграции в Сибири на протяжении всего XIX в., где позиции сибирской, центральной и местных властей к вопросу регулирования миграционного движения казахов была довольно противоречивой.

И.В. Анисимова подтверждает факт открытости статуса казахов горного ведомства требовавшего юридической регламентации. Проблема конокрадства была поднята одним из авторов проекта решения юридического статуса казахов Трофимовым. Определения им особого «казахского вопроса» наличия угроз этнической безопасности, межэтнических конфликтов вызванной кражей лошадей прикочевывшими казахами и в связи с этим нанесением крестьянским хозяйствам ущерба. В свою очередь, И.В. Анисимова подтверждает мнение З.Е. Кабульдинова и О.Б. Наумовой об отсутствии в середине XIX в. единой позиции властей по отношению к проблеме выселения казахского населения с территории Алтайского горного округа.

Б.С. Абенова [13] рассматривает деятельность региональной администрации по внедрению в Оренбургском крае «Временного положения об управлении степными областями» 1868 г. и его последствия. Оренбургский край рассматривается как объект применения колониальных методов управления, по аналогии которого для урегулирования межэтнических конфликтов появились специальные пограничные органы в Сибирском ведомстве. Также Б.С. Абенова

[14] дала анализ совершенствования института генерал-губернаторства в системе власти Российской империи, раскрыв его основные признаки и особенности.

В настоящее время дискуссионной является проблема ирредентства (термин не используется в российской исторической науке – Г.И. Купенова) или диаспоры омских казахов (К.К. Канафиним – Г.И. Купенова). Впервые в научный оборот в отечественной исторической науке термин «ирреденты» или невоссоединенные нации ввела Г.М. Мендикулова [15].

В целом, проблема конокрадства казахов Западной Сибири XVIII-XIX вв. имеет свою историографическую постановку, как среди отечественных, так и зарубежных исследователей, что определяет ее актуальность и обуславливает необходимость глубокого и всестороннего исследования на основе современных концептуальных подходов.

Результаты исследования

Первые контакты русских с казахами Западной Сибири начинаются по мнению О.Б. Наумовой в конце XVI в. «Внутренние» казахи (кочующие к северу от укрепленной линии - О.Б. Наумова) имели контакты с русскими крестьянами начиная с XVIII в. при продвижении вглубь Тобольской и Томской губернии. А «близлинейные» казахи (кочующие вдоль линии, но не переходящие ее - О.Б. Наумова) постоянные контакты с русским населением начали с 70-х гг. XIX в. [7, с.39].

Переход значительного числа казахов степных районов на «вечную кочевку» на правобережье Иртыша с официального разрешения царского правительства началась с 1788 г. Как отмечает С.Б. Броневский, «грабежи и насилия в Орде были причиной, что некоторые, из страха быть убиты и разорены, другие, по следствию дурного поведения, боясь взыскания своих родоначальников, перебежав на российскую сторону, искали защиты Российского правительства, и остались на вечной кочевке, приняв присягу на верноподданство» [5, с.179-180]. По мнению З.Е. Кабульдинова, «казахов во внутреннюю часть линии тянуло нехватка пастбищных земель в степи, барымта и желание поправить свое материальное положение. И конечно же, желание кочевать в привычных для них родовых пастбищах отошедших к Тобольской и Томской губерниям в ходе строительства и выдвижения кордонной линии в глубь казахских степей в XVIII в.» [2, с.112].

Началом перехода казахов является 1770 г., «когда баранта обнаружила между киргизами ужасное свое действие. Время от времени, более или менее значительное число переходило в Российские пределы и располагалось по привольным местам, под защитой казачьих форпостов. Таким образом, обретая покой и надежное покровительство, нарочито размножились и обогатились; есть теперь между ими и султаны, знатнейшие из них: Урусовы, Татеневы и Чанчаровы; Старшин много весьма верных: Батакан Куромсин, известен заслугами и богатством, Альчуг, Бюрюбай, Лайтуар и другие.» [5, с.180].

В 1791 г. группа из двух султанов и 19 старшин обращаясь к императрице Екатерине II с жалобой на хана Вали, просит принять их в «вечное» подданство Российской империи с имуществом и подвластным им населением [16, с.56-59].

Так, к началу XIX в. на территории Тобольской и Томской губернии сформировалось число «верноподданных» казахов, допущенных на «вечную кочевку». Некоторые регионы были закрыты для перехода казахов, так территория Кольвано-Воскресенского горного округа были исключены для отвода земель казахам постановлением генерал-губернатора Западной Сибири М.М. Сперанского, ставшего основанием выхода Сенатского указа 1821 г. [17]. Для урегулирования межэтнических конфликтов появились специальные пограничные органы. В 1816 г. по аналогии с Оренбургской, была создана Омская пограничная комиссия [18, с.51]. По мере перехода казахов на правобережье Иртыша стало усиливаться конокрадство, что начало осложнять ситуацию в регионе [2, с.69].

В 1822 г. под руководством М.М. Сперанского был разработан и утвержден царем «Устав о сибирских киргизах». Согласно ему, институт традиционного родового общества казахов подлежал реконструкции и утверждению новой системы российского государственного управления в Степи. «Уставом» фактически была упразднена ханская власть в Среднем жузе.

Известно, что ханская власть в Младшем и Среднем жузах к началу XIX в. начала ослабевать, что было связано не только проводимой царизмом целенаправленной политики ее дискредитации [2, с.60]. По мнению С.Б. Броневского «именно соперничество между ханами и султанами способствовало ослаблению власти ханов. Междоусобные войны и баранта где участие принимали сами ханы и их туленгуты снизило их авторитет в степи. К тому же непокорность сильных султанов и биев. Тогда ханы «избрали единое средство прибегнуть под покров могущественной России и искать защиты в ея великодушии» [5, с.80-81]. Также, необходимо отметить, что казахские ханства будучи потестарными государствами, родоплеменной периферии феодально-бюрократических или патриархальных государств с выборной племенной властью постепенно изживали себя.

Не все правители Среднего жуза следовали установкам царского правительства, среди них Губайдула, Вали Хан, Саржан Касимов и Камбар Шах Ниязов [5, с.87-88]. В частности, Губайдула выступил против упразднения ханской власти в Среднем жузе и назначения его страшим султаном Кокчетавского округа. В 1824 г. китайцы получив известие от него, выдвинули экспедицию в Баян-аул. Губайдула был пойман и под казачьим конвоем был доставлен в Омск «для поступления с ним по законам».

На основании «Устава», в 1823 г. образованы четыре внутренних (пограничных) и восемь внешних округов. В окружном приказе, в целях управления внешними округами были определены должности старшего султана и двух заседателей.

В 1838 г. выделение «Пограничного управления сибирскими казахами» и в 1854 г. из состава внешних округов сформировалась Семипалатинская область и Область сибирских казахов [19, с.72]. То есть, до 1854 г. они не будут иметь своего управления. Ни «Устав о сибирских киргизов» 1822 г., ни «Положение» 1838 г. не дали правовое основание регулирования положения «верноподданных» казахов.

Согласно «Докладу о невошедших в состав внешних округов киргиз, кочующих внутри Сибирской линии» (середина XIX в. – Г.И. Купенова) их по степени «сближения с оседлостью» делили на две группы. К первой группе относились казахи кочевавшие на северо-востоке степи: от редута Мало-Нарымского до устья реки Нарыма и вниз по Иртышу до форпоста Черемуховского, а также жившие между крестьянскими селениями выше Семипалатинска и в самом Семипалатинске. Эти казахи «постигли уже удобства и пользу жизни оседлой, и стремятся к ним быстро: ибо возделывание земель под посевы, все страдные и домашние крестьянские работы, потребность запастись для скота в зиму сено», а также ремесленные навыки были им известны. На юге Западной Сибири: в Барнаульском, Колыванском, Омском, Ишимском и Курганском округах в 100-180 верстах от линии вела кочевой образ жизни вторая группа казахского населения. Не имели изб или землянок. В отличие от полуоседлых казахов отношения их с русским населением были более напряженными. И не только с русскими, но и с «верноподданными» казахами [7, с.44-45].

Характер взаимоотношений между ними был далеко не дружелюбным, степные называя себя – «Адам» (человек – Г.И. Купенова), ненавидели станичных называя их «вероломными беглецами, поданыю». Но несмотря на неприязнь сохранили взаимоотношения и «станичные безопасно к ним ездят, берут у них и дочерей в замужество. Сила привязанности к отчизне еще столь над ними господствует, что они тела умерших не погребают на Российской границе, а перевозят иногда с трудом, из отдаленности на заграничную, и там предают земле. Изобилие в их жизни, доставленное благодеянием России, наслаждение покоем, не истребило в них привязанности к своим соотечественникам, и они во всем до них касающемся принимают живейшее участие; но охотно покоряются властям, кротки и миролюбивы. Довольно ознакомившись с россиянами, ведут жизнь более порядочную, гораздо опрятнее себя держат, и показываясь в Русские селения, одеваются щеголевато, на добрых лошадях» [5, с.182-184].

Казахи прикочевывая весной к деревням Заводского и Губернского ведомств произвольно занимали крестьянские земли, сельские выгоны, выкашивали для себя их полосы, или пускали туда своих табунов, которые кроме потравы лугов, нередко истребляли посевы хлеба. Хотя хозяева лугов и хлеба часто требовали отдачи скошенного или возмещения за потраву, - они обычно не получали ни того, ни другого; наиболее настойчивых казахи прогоняли нагайками.

Имели место жалобы крестьян на конокрадство казахов не только находившихся в поле лошадей, но и даже из загонов. Казахи эпизодически нападали и на подводы, доставлявшие хлеб и фураж на линию. Одной из важных причин такого положения О.Б. Наумова считала, отсутствие над не вошедшими во внешние округа казахами (после упразднения Омской области) управляющих органов, так как никто не знал, кому и в какой степени эти группы казахов должны были подчиняться [7, с.46].

О казахах в это время сложилось мнение, как о свободолюбивом и гордом народе, так, по словам С.Д. Броневского, «Казах, знаменует человека свободного, чуждого всякого подчинения, и волю свою ставящего выше всех обстоятельств, презирающего своих Султанов и Биев, если это не согласуется с его выгодами и

внутренними побуждениями». Презируя христиан, называли их «касрырами», «утопали в невежестве и неверии, Магометане только по названию. Кроме часто повторяемого из глубины души, Алла! редкой знает какую-либо молитву и имеет понятие о Коране, наружного же богопочтения они вовсе не изъявляют, мечетей не имеют» [5, с.170-171].

До отмены ханской власти 1822 г. султаны старались решать вопросы уплаты ясака казахами, ведения ими торговли. Некоторые из них знали татарскую грамоту и могли говорить на русском языке. Отличались благородством происхождения, «благовидностью лица, большим и стройным станом. Они говорливы, но отвязчивы и хорошим нарядом стараются придать себе значения». Так, старший султан Каркаралинского внешнего округа подполковник Турсук Чингисов, внук хана Букея, майор Газы Букеев, Надворный советник Алий Какшалов, жена покойного Вали хана - Айханым; Кучук Абульфейсов; Бопа Ташенев; Пшень Урусов, Досан Ханбабин и сын его Клыч считались «верными и преданными России» [5, с.170-171].

Естественно, что султанско-старшинская власть стремилась к юридической регламентации своего социального положения, и была обеспокоена данной ситуацией. В случае введения Управления казахи были согласны на введение ясака. О чем не было и речи со стороны казахов в начале XIX в. На все прошения казахских султанов и старшин не получили ответа и решения со стороны царского правительства. Что говорило о падении интереса царского правительства к родоправителям, и об окончании их миссии в степи. Поэтому вели политику открытого игнорирования их просьб, с целью дискредитации их власти в степи. После подавления восстания Кенесары, царская администрация не имела уже цели укрепления султанско-старшинской власти на правобережье Иртыша [2, с.77].

Первое обращение казахов к администрации об открытии собственного Управления относится к 1834 г. По мнению О.Б. Наумовой, чем «степные», «близлинейные» казахи по условиям управленческой приписки часто вступали в контакты с различными административными органами. Их «тянули на расправу в земские суды Омского, Колыванского, Барнаульского и Бийского уездов несмотря на то, что они этим судам не были подчинены никакими правительственными постановлениями; тормозило их и казачье начальство, не оставляло в покое и горное» [4, с.24]. Так, отсутствие управленческой системы в отношении «верноподданных» казахов привело к тому, что ими управляли различные ведомства.

С 1846-1848 гг. султаны и родоправители видя отсутствие желание правительства создания их отдельного Управления, перестают его добиваться с прошениями у местной администрации, полностью в этом разочаровавшись. Выход в 1846 г. Положения о Сибирском казачьем войске с обязательным освобождением казахами казачьих земель. После этого, вопрос о создании Степной Думы больше подниматься уже не будет. Так как, на повестке встал другой более жизненный вопрос, в силу усиления наступательной силы царизма, удержаться на правобережье Иртыша. Численность верноподданных казахов составляла к 1847 г. – 26647 человек.

Выход в 1849 г. предписания генерал-губернатора Западной Сибири о переходе до 1 июня казахов во внешние округа, вызвал возмущения со стороны проживавших во внутренней стороне казахов, в частности потомков и поданных султана Шаншара Султанбетова. Но оставаться на месте кочевки было возможно, при уплате ремонтной пошлины казачьему войску, согласно распоряжению Пограничного управления от 1848 г. Возмущения не дали никакого результата, казахи против своей воли «причислялись» во внешние округа имевшие для них впоследствии негативные последствия. В 1852 г. генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд начал выселение казахов внутренних округов в степную сторону, очередное выселение состоялось в 1854 г. Оставшееся казахское население освободило от высылки, формирование в этом же году Семипалатинского внутреннего округа.

Состояние неуправляемости, то есть, те самые идеальные условия, вызвали участвовавшие случаи традиционного конокрадства казахов.

Крестьяне Заводского ведомства и казаки, узнав о намерении своего начальства выселить казахов за линию и боясь потерять этот источник, просили не лишать их дешевой рабочей силы. Так как, крестьяне и казаки, жившие за Семипалатинском, нанимали казахов для работ на собственных пашнях. Казахи «в отправлении принимаемых на себя обязанностей крайне рачительны», «в полевых же и домашних крестьянских работах каждый заменяет двоих русских», что ни один из них «не был обличен не только в важном преступлении или противной порядку шалости, а даже и в незначительной краже» [7, с.45]. Не хотели лишаться источника денежных поступлений и Сибирские линейные войска, так как, получали за переход казахов деньги за уплату ремонтной пошлины [20].

Царское правительство осознанно приняло решение в отношении казахов-мусульман, в связи с формированием «мусульманского вопроса» и началом придания особого отношения царского правительства к инородческому населению. Факторами определившими принятие такой позиции царизмом будет серия национально-освободительных движений первой половины XIX в. как в Младшем так и Среднем жузах. А также, активное проведение переселенческой политики крестьян европейской части в целях уплотнения русского населения региона, ввиду ее слабости. Именно в этой сложившейся ситуации шел процесс усиления традиционного конокрадства со стороны внутренних казахов для воспрепятствования переселившимся крестьянами заселения сибирских земель.

Активизация переселенческой волны русского населения на территорию Тобольской и Томской губернии и в связи с этим усиление конокрадства со стороны внутренних казахов создали конфликтную ситуацию в 30-х гг. XIX в. Подняв вопрос о необходимости выселения их во внешние округа. Так, с 1843 г. вводятся различные бюрократические препоны казахам кочевать на внутренней стороне (Правила о кочевке казахского населения во внутренних округах Тобольской губернии, 1844 г.). По мнению З. Кабульдинова, конокрадство не было основной причиной выселения в середине XIX в. казахов, в приоритете власти были интересы укрепления экономической позиции переселившихся крестьян.

Чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири Трофимов определил особый «казахский вопрос», считал расселение казахских поселений вблизи крестьянских земель не благоприятным, приводящим в дальнейшем к этнической напряженности между ними. Конокрадство казахов, было по его мнению налаженным процессом, где невозможно было найти виновных, с тем, что зажиточные казахи имели специальных людей для кражи лошадей в крестьянских селах, с последующим их сбытом в степи. Конокрадство казахов было его основным обвинением и основанием его требования властям о запрете их переходов [12].

Начиная с середины XIX в. усиливается борьба с конокрадством. По мнению царской власти, конокрады оценивались как преступники, которые оставляли переселившихся крестьян без тягловой силы. По этой причине, сибирская администрация полностью запрещает переход казахов на территорию крестьянских земель. Целью выхода в 1854 г. «О мерах по прекращению конокрадства в Западной Сибири» было повсеместное выселение компактно проживающих станичных казахов в районах проживания крестьян и образование из них нового социального слоя «джатаков». Согласно вышедшему положению, был введен запрет крестьянам оставлять без присмотра лошадей в поле и организация ночных дежурств. Казахам, не вступивших в сословие крестьян переселялись в относившиеся к ним внешние округа, с выдачей им разрешения кочевков на казахских землях с уплатой ремонтной пошлиной [21, с.278].

Известно, что казахи на Новоишимской линии из-за высылки стали переходить в христианство или переходить в сословие крестьянства [11, с.24]. Так, в 1863 г. 502, в основном бедных казахов Кокчетавского, Акмолинского и Баян-Аульского округов, бывших в найме у казаков Сибирского войска приняли христианство [16, с.5-6].

С 1870 г. введение строгих мер стабилизирует ситуацию с конокрадством. Так, в 1880 г. в Барнаульском округе для внутренних казахов был определен значительный земельный участок для переселения внутренних казахов Тобольской и Томской губернии. Против выселения казахов выступило и 1879 г. Алтайское горное правление, так как, казахи на рудниках выполняли низкооплачиваемую работу [7, с.43].

С 80-х гг. обвинения казахов в большем случае по мнению З. Кабульдинова были надуманными, с целью выделения переселившемуся крестьянскому населению земель занятых казахами. Активизация переселения крестьян на территорию Западной Сибири началась в 1874 г. после отчета Генерал-губернатора Казнакова императору, где было высказано, что «осторожное, без стеснения кочевников, водворение внутри киргизских степей оседлого Русского населения может смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» [6, с.17-18].

Заключение

Нехватка пастбищных земель и барымта, а также сложившиеся торговые взаимоотношения по всей Иртышской линии способствовала активному переходу казахов во внутреннюю линию. До 1854 г. система управления в отношении переселившихся казахов не возникнет. Правительство сознательно не подводила

управленческую законодательную базу под «верноподданных казахов» в целях сохранения свободных земель Томской губернии для переселения крестьян из европейской части России.

В ходе исследования данной проблемы необходимо учесть и формирование в правительственных кругах «мусульманского вопроса», удержания в повиновении массы «иноверческого» населения». По мнению востоковеда Д.Ю. Арапова, важным принципом в позиции царизма, было не вступление ни в какой конструктивный диалог с представителями мусульманской общественности, принятия позиции административно-законодательного «ступора» [22, с.243].

Отсутствие законодательной базы управления создало состояние неуправляемости и произвола казахского населения со стороны различных ведомств и вызвало участвовавшие случаи конокрадства, в основном со стороны степных казахов, со стороны внутренних были только отдельные случаи. Что и создало по мнению Трофимова (чиновник по особым поручениям – Купенова Г.И.) идеальные условия для развития конокрадства. Бесконтрольность местной администрации была представлена бесконечной пересылкой уголовных дел из одного земского суда в другой.

Станичные казахи имели налаженные экономического характера связи с крестьянским населением, в плане скотоводства, особенно в Ишимском округе. Одним из активных регионов организованного конокрадства был Курганский округ.

В целях этнической стабилизации региона и безопасности крестьянских хозяйств по проекту Трофимова было решено ввести выселение казахов с внутренней стороны. С 1852 г. начинается процесс высылки казахов во внешние округа. При этом не запрещалось кочевать на казачьей земле, имевших за это ремонтную пошлину. Высылке подлежали все казахское население внутренней территории, как «станичные», так и попавшие по билетам и оплате ремонтной пошлины.

Но казахи игнорировали требования властей об откочевке с территории Тобольской и Томской губернии и продолжали кочевать. Большинство степных казахов игнорируют Положения 1854 г. и продолжают кочевать на территории Ишимского и Курганского округов. Не выполняло требование и само местное начальство, в лице земских заседателей, полицейских служащих и волостных начальников, имевших материальные выгоды от их проживания казахского населения.

В целях избежания выселения казахское население Ишимского округа принимали христианство и переходили в сословие крестьян.

В целом, положение «О мерах по прекращению конокрадства в Западной Сибири» 1854 г. царского правительства не было реализовано на практике. Борьба с конокрадством имела результат только в одном Курганском округе Тобольской губернии, принявшего особенный размах в форме массового обложения конокрадами крестьян. В отношении других миграции казахов продолжались. А в отношении выселения казахов с территории Алтайского горного округа единой позиции властей не было.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации грантового исследования №194/ГФ-24-26 «Структуры управления казахами Западной Сибири в конце XVIII-XIX вв.» (2024-2026 гг.) при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования РК.

ЛИТЕРАТУРА

- [1].Мартин В. Закон и обычаи в степи: казахи среднего жуза и российский колониализм в XIX в. Алматы, 2012
- [2].Кабульдинов З.Е. Казахи Тобольской и Томской губернии во второй половине XVIII – начале XX вв.(историко-демографический аспект).Павлодар, 2001
- [3].Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилежающих к Российской границе по части Колыванской и Тобольской губернии крепостей дополнениями. Санкт-Петербург, 1795-1796
- [4].Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба.Санкт-Петербург,1868.Ч.1.Область сибирских киргизов.
- [5].Бронеvский С.Б. Записки Генерал-майора Бронеvского о Киргиз-Кайсаках Средней Орды. Отечественные записки издаваемые Павлом Свиныным.Часть.41-43.Санкт-Петербург,1830
- [6].Михайлов В. Киргизские степи Акмолинской области. Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книга XV, Выпуск III, Омск, 1893. с.20
- [7].Наумова О.Б. Казахско-русские взаимоотношения на юге Западной Сибири в XVIII-начале XX вв.// Изучение преемственности этнокультурных явлений. Москва, 1980. с. 39-50
- [8].Томилов Н.А. Казахи Западной Сибири в конце XVI – первой четверти XIX вв.// Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск,1983.
- [9].Томилов Н.А.Тюркоязычное население Западносибирской равнины в конце XVI – первой четверти XX вв. Томск, 1981
- [10].Томилов Н.А. Процесс этнической истории. Томск, 1993
- [11].Октябрьская И.В. Казахи Алтая:этнополитические и социокультурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX-XX вв. Новосибирск, 2004
- [12].Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу регламентации миграции казахов в Южносибирский регион// Вестник Томского государственного университета.№4 (20), 2012
- [13]. Абенова Б.С. Региональная политика Российской империи в Оренбургском крае. LAP LAMBERT Akademic Publishing.2013
- [14].Абенова Б.С.Ресейлік билік жүйесіндегі генерал-губернатор институты: белгілері мен ерекшеліктері (XVIII-XIX ғғ.)// Отан тарихы №27(3), 2024, с.582-595

- [15].Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы, 1997
- [16].Казахско-русские отношения в XVIII-XIX (1771-1867 годы)//Сборник документов и материалов. Составители: Ф.Н.Киреев, В.Я.Басин, К.Ж. Женисбаев, В.С. Мусабаева. Алмата:Наука, 1964. (АВПР, ф.122, 1791 г.Д.1., Л.54-55., №81. Жалоба старшин Среднего жуза имп.Екатерине II на хана Валия. 27 декабря 1794 г., №82.Рапорт генерал-поручика Штрэндмана графу П.Зубову по поводу жалобы старшин Среднего жуза на хана Валия. 1 февраля 1795 г., с.56-59).
- [17].Центральный государственный архив Республики Казахстан. (ЦГА РК).Ф.478.Оп.2.Д.8. Л.128-129
- [18].Быков А.Ю.,Кожирова С.Б. Истоки формирования русско-казахского пограничья в Западной Сибири (XVI- начало XIX в.)// Восточный архив №1(47), 2023, с.47
- [19].Далаева Т.Т.Казахские заседатели внешних окружных приказов Западной Сибири (1822-1868 гг.)// Уральский исторический вестник.№2 (63), 2019, с.72
- [20].ЦГА РК. Ф.338. Оп.1. Д.663. Л.45-48
- [21].Полное собрание законов Российской империи//отдделение 1, Т.29. Санкт-Петербург, 1855
- [22].Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII-начало XX вв.).Москва, 2004, с.248
- [23].Ахметова, 2010 - *Ахметова Ш.К., Н.А.Томилов.* Казахи Западной Сибири в исследованиях российских и казахстанских ученых XIX- начала XXI веков.Материалы Международной научно-практической конференции «Казахи России: история и современность». Том 1, Омск, 2010, с.37.
- [24].Кабульдинов, 2013 - *Кабульдинов З.Е.* Положение казахов на Правобережье Иртыша (до создания Семипалатинского внутреннего округа в 1854 г.)// Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия».№1(69)/2013
- [25].Кабульдинов, 2013 - *Кабульдинов З.Е.* Султанбедиты и борьба за древние кочевья// Мысль,27.11.2018

REFERENCES

- [1].Martin V. Law and Customs in the Steppe: Kazakhs of the Middle Zhuz and Russian Colonialism in the 19th Century. – Almaty, 2012. [Pravo i obychai na stepi: kazakhi Srednego zhuza i rossiyskiy kolonializm v XIX veke].
- [2]. Kabuldinov Z.E. Kazakhs of the Tobolsk and Tomsk Provinces in the Second Half of the 18th – Early 20th Centuries (Historical and Demographic Aspect). – Pavlodar, 2001. [Kazakhi Tobol'skoy i Tomskoy guberniy vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX vekov (istoriko-demograficheskiy aspekt).]
- [3].Andreev I.G. Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks, with Additions Concerning the People of This Day, as Well as the Fortresses Adjacent to the Russian Border in the Kolyvan and Tobolsk Provinces. – St. Petersburg, 1795–1796. [Opisaniye Sredney Ordyy Kirgiz-Kaysakov s dobavleniyami o nyneshnem narode, a

takzhe krepostyakh, privileyushchikh k rossiyskoy granitse v Kolivanskoy i Tobol'skoy guberniyakh].

[4]. Krasovsky M. Materials for Geography and Statistics of Russia, Collected by Officers of the General Staff. Part 1: The Region of the Siberian Kirghiz. – St. Petersburg, 1868. [Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Chast' 1: Oblast' sibirskikh kirgizov].

[5]. Bronevsky S.B. Notes of Major General Bronevsky on the Kirghiz-Kaysaks of the Middle Horde // Domestic Notes by Pavel Svinin. Parts 41–43. – St. Petersburg, 1830. [Zapiski general-mayora Bronevskogo o Kirgiz-Kaysakakh Sredney Ordyy // Otechestvennyye zapiski, izdannyye P. Svininyim. Ch. 41–43].

[6]. Mikhailov V. Kyrgyz Steppes of the Ak-mola Region. Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Book XV, Issue III. – Omsk, 1893. p. 20. [Kirgizskie stepi Ak-molinskogo rayona. Zapiski Zapadnosibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kniga XV, vypusk III].

[7]. Naumova O.B. Kazakh-Russian Relations in the South of Western Siberia in the 18th–Early 20th Centuries // Study of the Continuity of Ethnocultural Phenomena. – Moscow, 1980. pp. 39–50. [Kazakhsko-russkie otnosheniya na yuge Zapadnoy Sibiri v XVIII – nachale XX vekov // Izucheniye preemstvennosti etnokul'turnykh yavleniy].

[8]. Tomilov N.A. Kazakhs of Western Siberia at the End of the 16th – First Quarter of the 19th Centuries // Ethnogenesis and Ethnic History of the Turkic Peoples of Siberia and Adjacent Territories. – Omsk, 1983. [Kazakhi Zapadnoy Sibiri v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vekov // Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy].

[9]. Tomilov N.A. The Turkic-Speaking Population of the West Siberian Plain in the Late 16th – First Quarter of the 20th Centuries. – Tomsk, 1981. [Tyurkoyazychnoye naseleniye Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XX vekov].

[10]. Tomilov N.A. The Process of Ethnic History. – Tomsk, 1993. [Protsess etnicheskoy istorii].

[11]. Oktyabrskaya I.V. Kazakhs of Altai: Ethnopolitical and Sociocultural Processes in the Border Regions of Southern Siberia of the 19th–20th Centuries. – Novosibirsk, 2004. [Kazakhi Altaya: Etnopoliticheskie i sotsiokul'turnyye protsessy v prigranichnykh rayonakh Yuzhnoy Sibiri XIX–XX vekov].

[12]. Anisimova I.V. Positions of the Central and Regional Authorities on the Issue of Regulating the Migration of Kazakhs to the South Siberian Region // Bulletin of Tomsk State University. No. 4 (20), 2012. [Pozitsii tsentral'noy i regional'noy vlasti po voprosu regulirovaniya migratsii kazakhov v Yuzhno-Sibirskiy region // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. № 4 (20), 2012].

[13]. Abenova B.S. Regional Policy of the Russian Empire in the Orenburg Region. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. [Regional'naya politika Rossiyskoy imperii v Orenburgskom krae].

[14]. Abenova B.S. Resailik Bilik Zhuyesindegi Governor-General Institutes: Features and Characteristics (18th–19th Centuries) // Otan Tarikhy No. 27(3), 2024, pp. 582–595. [Resailik bilik zhuyesindegi General-gubernatorskie instituty: osobennosti i kharakteristiki (XVIII–XIX vv.) // Otan tarikhy № 27(3), 2024, s. 582–595].

- [15]. Mendikulova G.M. Historical Destinies of the Kazakh Diaspora: Origin and Development. – Almaty, 1997. [Istoricheskie sud'by kazakhskoy diaspor: proiskhozhdenie i razvitie].
- [16]. Kazakh-Russian Relations in the 18th–19th Centuries (1771–1867) // Collection of Documents and Materials. Compiled by F.N. Kireev et al. – Almaty: Nauka, 1964. [Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vv. (1771–1867) // Sbornik dokumentov i materialov. Sostaviteli: F.N. Kireev i dr.].
- [17]. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. F.478. Op.2. D.8. L.128–129. [Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan. F.478. Op.2. D.8. L.128–129].
- [18]. Bykov A.Yu., Kojirova S.B. The Origins of the Formation of the Russian-Kazakh Borderland in Western Siberia (16th–Early 19th Century) // Eastern Archive No. 1(47), 2023, p. 47. [Istoki formirovaniya rossiysko-kazakhskogo prigranich'ya v Zapadnoy Sibiri (XVI – nachalo XIX vv.) // Vostochnyy arkhiv № 1(47), 2023, s. 47].
- [19]. Dalaeva T.T. Kazakh Assessors of the Outer District Orders of Western Siberia (1822–1868) // Ural Historical Bulletin. No. 2 (63), 2019, p. 72. [Kazakhskie otsenchiki vneshnikh okruzhnoy prikazov Zapadnoy Sibiri (1822–1868) // Uralskiy istoricheskiy vestnik. № 2 (63), 2019, s. 72].
- [20]. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. F.338. Op.1. D.663. L.45–48. [Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan. F.338. Op.1. D.663. L.45–48].
- [21]. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Introduction 1, vol. 29. – St. Petersburg, 1855. [Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vvedeniye 1, tom 29].
- [22]. Arapov D.Y. The System of State Regulation of Islam in the Russian Empire (Last Third of the 18th – Early 20th Centuries). – Moscow, 2004. p. 248. [Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.)]
- [23]. Akhmetova S.K., Tomilov N.A. Kazakhs of Western Siberia in the Research of Russian and Kazakh Scientists of the 19th – Early 21st Centuries // Materials of the International Scientific and Practical Conference "Kazakhs of Russia: History and Modernity". Volume 1. – Omsk, 2010. p. 37. [Kazakhi Zapadnoy Sibiri v issledovaniyakh rossiyskikh i kazakhskikh uchenykh XIX – nachala XXI vv. // Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Kazakhi Rossii: istoriya i sovremennost'", tom 1].
- [24]. Kabuldinov Z.E. The Situation of the Kazakhs on the Right Bank of the Irtysh (Before the Creation of the Semipalatinsk Inner District in 1854) // Bulletin of the Karaganda University. Series "History. Philosophy". No. 1 (69), 2013. [Polozheniye kazakhov na pravoberezhie Irtysha (do sozdaniya Semipalatinskogo Vnutrennego okruga v 1854 g.) // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya "Istoriya. Filosofiya". № 1 (69), 2013].
- [25]. Kabuldinov Z.E. Sultanbeds and the Struggle for Ancient Nomads // Thought, 11/27/2018. [Sultanbedy i bor'ba za drevnikh kochevnikov // Mysl', 27.11.2018].

Купенова Г.Ы.

**БАТЫС СІБІР ҚАЗАҚТАРЫНЫҢ ХІХ ҒАСЫРДЫҢ ОРТАСЫНДА
ПАТША ҮКІМЕТІНІҢ ЖАҢА ҚҰҚЫҚТЫҚ ӨРІСІ АЯСЫНДА ЖЫЛҚЫ
ҰРЛЫҒЫ**

Аңдатпа. ХІХ ғ. екінші жартысында Ресей империясының шекаралары бүкіл қазақ Даласын қамтыған кезде, әділдікті қанағаттандырудың дәстүрлі тәсілі ретінде барымтаға деген көзқарас қана емес, сонымен бірге патша өкіметінің көзқарасы да өзгерді. Осыған байланысты, бұл мақалада ХІХ ғ. ортасында Батыс Сібір қазақтарының жылқы ұрлығы мәселесі зерттеледі. Патша өкіметінің қазақтардың жылқыларды ұрлауға қатынасын анықтау және олардың жолын кесу шараларын қолдану үшін қазіргі тарих ғылымындағы «жылқы ұрлығы» және «барымта» ұғымдарын анықтауға ерекше назар аударылды. Жазбаша дереккөздер мен тарихи зерттеулер негізінде Ертістің ішкі бөлігіне қоныс аударған қазақтар тарапынан жылқы ұрлығының күшеюінің себеп-салдарлық байланыстарын анықтау, талдау.

Зерттеу мұрағат құжаттарын, соның ішінде Қазақстан Республикасының орталық мемлекеттік мұрағатының (ҚР ОМА) қорларын, мемлекеттік көпшілік тарихи кітапхананың (РФ МЖБИ, Мәскеу қ.) көздерін және ХХ-ХХІ ғғ. іргелі тарихи зерттеулерді талдауға негізделген.

Кілт сөздер: Ресей империясы; «жылқы ұрлығы»; «барымта»; Батыс Сібір; Орта жүз; қазақтарды көшіру; шаруаларды қоныстандыру; Ертістің оң жағалауы.

Kupenova G.Y.

**HORSE THEFT BY WEST SIBERIAN KAZAKHS IN THE MIDDLE OF THE
XIX CENTURY AGAINST THE BACKGROUND OF A NEW LEGAL FIELD
OF THE TSARIST GOVERNMENT**

Annotation. In the second half of the nineteenth century, when the borders of the Russian Empire covered almost the entire Kazakh Steppe, not only the view, but also the attitude of the tsarist government changed towards barymta as a traditional way of satisfying justice. In this regard, this article examines the problem of horse theft of Kazakhs in Western Siberia in the middle of the nineteenth century in the context of the new legal framework of the tsarist government. Special attention is paid to the definition of the concepts of «horse theft» and «barymta» in modern historical science to identify the attitude of the tsarist government to horse theft by Kazakhs and the application of measures to curb them. Based on written sources and historical research, the definition and analysis of the cause-and-effect relationships of increased horse theft on the part of the Kazakhs who migrated to the inner part of the Irtys.

The study is based on an analysis of archival documents, including the funds of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CGA RK), sources of the State Public Historical Library (GPIB RF, Moscow) and fundamental historical research of the XX-XXI centuries.

Keywords: Region of Siberian Kirghiz (Kazakhs); Middle Zhuz; right bank of the Irtys; "loyal Kazakhs"; horse theft; "On measures to stop horse theft in Western Siberia" 1854; Semipalatinsk internal district.